

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация

Индия в мире регионализации

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается политика Индии в процессах регионализации в Азии. После распада СССР, главного стратегического союзника страны, перед Индией встала задача ревизии своей геоэкономической и геополитической парадигмы. Официальный Дели начал поиски стратегических партнеров с целью сбалансировать растущее влияние внешнеполитической активности Китая. Первоначально был избран восточный «маршрут» (“Look East Policy”), поскольку в странах Юго-Восточной Азии уже был накоплен солидный опыт культурного и политического влияния Индии. Помимо этого страны АСЕАН с помощью активного участия Индии в делах региона стремились сбалансировать влияние «непознаваемого» Китая в регионе АТР. Развивая отношения со странами АСЕАН, Индия пытается в процессе региональной экономической интеграции ускорить экономическое развитие своих северо-восточных штатов, географически отъединенных от основной («материковой») части страны. На пути региональной интеграции Индией достигнуты определенные успехи. Однако пока индийской экономике не удается действительно интегрироваться в производственные «цепочки» в странах АСЕАН. Экономической интеграции в «родном» регионе Южной Азии препятствуют страхи соседей перед явным экономическим и военно-политическим преобладанием Индии и желание этих стран использовать к своей выгоде противоречия двух стран-гигантов – Индии и Китая. В последние десятилетия во внешнеэкономической деятельности страны

все более важную роль начинает играть регион Западной Азии, откуда Индия получает значительную часть энергоносителей, а также «закрывает» дефицит платежного баланса страны за счет денежных переводов индийцев, работающих в государствах Персидского залива.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: регионализация, региональная экономическая интеграция, внешнеэкономическая деятельность, Индия, Китай, АСЕАН, страны Западной Азии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Володин А.Г. (2017). Индия в мире регионализации. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 10 (4). 178-191. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191

Исследование выполнено по комплексной программе фундаментальных исследований ОГПМО РАН. Проект «**Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира**».

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191

Andrei G. VOLODIN

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

India in the World of Regionalization

ABSTRACT. *The article is dedicated to the policy of India in the processes of regionalization in Asia. After the collapse of the Soviet Union (a country, which used to be the main ally of India) there appeared a great need for India to make a deep revision of its geo-economic and geopolitical paradigms. Thus, Delhi started looking for the new strategic partners in order to restore the balance between India and extremely active China. The "Look East Policy" had become the first result of those searches, because of the long history of cultural and political influence of India on the South-East Asian countries. Apart from it, due to the active participation of India in the region, the member states of the ASEAN were aimed to set a balance in relationships with China in Asia-Pacific region. By developing the partnership with the members of ASEAN and participating in the processes of regional economic integration, India attempts to "push" the economic development of its northeastern states, situated separately from the main ("continental") part of the country. Although there are some achievements, regarding the participation of India in the processes of regional integration, the country's economy is still only partially integrated in the production "chains" in the ASEAN countries. Moreover, there are significant obstacles regarding the economic integration in the South Asia. They appear because of the fear, experienced by the countries of the region, regarding the Indian predominance in the region. Besides, strategically those countries consider contradictions between India and China as a situation from which they potential-*

ly may benefit. During the last decades, there has been a rising importance of the Western Asian region in strategic economic activities of India. From the Western Asia India gets energy carriers and due to the financial transfers made by the Indians, working in the Persian Gulf, it covers country's balance of payment deficit.

KEYWORDS: *regionalization, regional economic integration, foreign economic activity, India, China, ASEAN, countries of Western Asia*

FOR CITATION: Volodin A. G. (2017). India in the World of Globalization. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 178-191. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191

ACKNOWLEDGMENTS: *The research is done under the complex program of fundamental research of the Division of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Project "Economic and Social Imbalances in the Macroeconomies of the Modern World".*

В первые десятилетия после завоевания суверенитета (1947 г.) Индия стремилась стать движущей силой альтернативного «евроцентризму» и советско-американской биполярности мирового порядка. В основе подобной стратегии лежали принципы солидарности «третьего мира», «антиимпериализма» и нейтралитета в холодной войне¹.

1 Впрочем, существует и точка зрения, согласно которой политика неприсоединения стала реакцией на нежелание Запада признавать Индию равным партнером по международным отношениям.

Впоследствии материальными основаниями поведенческой стратегии страны стали растущий экономический потенциал и военно-политическая мощь. Новая, «прагматическая» концепция внешней политики прошла апробацию в ходе победоносного для Индии конфликта с Пакистаном, увенчавшегося образованием в Южной Азии нового государства – Народной Республики Бангладеш (1971 г.). Стоит напомнить: для Индии своеобразным геополитическим «ремнем безопасности» стал Договор о мире, дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, заключенный в августе 1971 г.

Определенную модификацию внешнеполитическое поведение Индии претерпело в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века. Причинами изменения стратегии действий Индии во внешнем мире были новые, не зависящие от Дели геополитические обстоятельства, как то: дезинтеграция Советского Союза, распад биполярного мира, рост влияния сил радикального политического ислама, форсированный экономический рост Китая и т.д. Новая (во многих аспектах неблагоприятная для страны) реальность побудила правящие круги в Дели к пересмотру «философских» основ внешнеполитической деятельности страны. Становилось очевидно: геополитический потенциал страны (включая его военно-технологическое измерение) напрямую зависит от системной (т.е. неизбежной) модернизации экономики – осовременивания ее структуры, диверсификации производства, осуществляемых всецело на основе инновационно-интенсивной модели роста.

Позиционирование Индии в мире на фоне укрепляющегося Китая

Историческая ретроспекция подтверждает: новое качество хозяйственного организма Индии мыслилось как одна из основополагающих целей экономи-

ческой реформы 1991 г., которая уже в середине 90-х гг. XX века вывела страну на траекторию устойчивого роста (Володин, 2010, с. 91–98).

После распада СССР тогдашняя постсоветская элита считала, что для «новой» России Индия утратила былое геополитическое, внешнеэкономическое и культурно-идеологическое значение. В начале 1990-х гг. в Индии активизировались силы, которые и прежде, во времена советско-индийского союзничества, сдержанно относились к развитию связей с нашей страной. Стереотип негативного отношения к России открыто не проявлялся, однако уровень двусторонних связей медленно, но неуклонно понижался.

Свою негативную, хотя и косвенную роль сыграла начавшаяся в 1991 г. экономическая реформа, которая развивалась по иной, нежели «либеральные преобразования» в России, траектории. Примерно к середине 1990-х гг. стало очевидно: российско-индийские внешнеэкономические связи сужают свой «горизонт» до военно-технического сотрудничества (ВТС) и кооперации в сфере «неклассической» (т.е. атомной) энергетики.

На динамику и интенсивность отношений между Дели и Москвой, несомненно, повлияло качественное улучшение связей между Россией и Китаем, получившее дополнительное ускорение после распада СССР. Можно сказать, что после 1991 г. в российско-индийских отношениях «китайский подтекст», присутствовавший в двустороннем взаимодействии как минимум с середины 1960-х гг., начал приобретать все более «мрачные» очертания.

Хорошо известно: беспокойство относительно геополитических намерений Китая (подлинных или мнимых, сути дела не меняет) с начала 1960-х гг. (т.е. с пограничного конфликта двух стран в 1962 г.) было и остается частью исторической памяти и политического сознания индийского общества. («Противостояние» в Гималаях летом 2017 г. вновь оживило антикитайские настроения в обществе «великого южного

соседа».) Будем исторически объективны: фактически лишенный поддержки России (а ведь СССР сделал немало для геополитического возвышения Индии), в 1990-е гг. официальный Дели начинает поиски противовеса растущему влиянию Китая на ход мировых событий. Одновременно Россия практически исчезает из информационного поля и общественно-политического дискурса Индии. По-видимому, в середине 1990-х гг. правящие круги Индии принимают стратегическое для последующего курса страны решение о сближении с Соединенными Штатами. Инициатива Индии о «стратегическом диалоге» (как впоследствии назвали процесс сближения Дели и Вашингтона) нашла положительный отклик у администрации Б. Клинтона.

В Дели уже тогда отдавали себе отчет в том, что центральной особенностью формирующихся структур и форматов «азиатского столетия» (т.е. перемещение на восток геоэкономической оси мира) станет поступательное возрастание экономического влияния, военной мощи и геополитических возможностей Китая. Индийская правящая элита сознавала: формирующийся геополитический сценарий в Азии будет в той или иной степени писаться под диктовку Поднебесной: ее интересов, внутри- и внешнеполитической стратегии и долгосрочной «повестки» отношений с ведущими силами региона АТР, включая государства, расположенные за пределами Азии.

Как же политическая элита Индии оценивает мотивы поведения Китая в мировом пространстве? Во-первых, для мировой политики лидеры Поднебесной предлагают концепцию многополярности, являющуюся антитезой «американской гегемонии». (И вправду, администрация Д. Трампа, движимая идеей «Америка превыше всего», по сути, не отклоняется от парадигмы *Pax Americana*.) Во-вторых, главной целью Пекина в АТР остается утверждение «унилатерализма» (т.е. моноцентричности) в Азии под «управлением» Китая. Политической основой *Pax Sinica*, как счи-

тает значительная часть индийского истеблишмента, становятся различные версии транспортных коридоров, объединяемых идеей Великого Шелкового пути. Таким образом, в складывающейся в АТР конфигурации геоэкономических и геополитических сил Индии, как полагают в Дели, отведено место во «втором эшелоне» государств этого региона. Такого рода настроения в индийском внешнеполитическом и военном истеблишменте приобретают в последнее время без преувеличения панический характер, особенно на фоне поступательного укрепления позиций КНР в регионе Южной Азии, а не только в Пакистане (Кузнецов, Малышева, 2017, с. 32).

В подобной оценке – невольно либо намеренно – недоучитывается в целом положительная динамика развития Индии в последние четверть века, а именно: успешный опыт экономических реформ в стране (несмотря на сохраняющийся «поляризованный» характер ее народного хозяйства), расширивших геоэкономические и геополитические возможности Индии, в т.ч. за пределами региона Южной Азии; действенные поиски правящим классом новой внешнеполитической парадигмы («восточная политика»); признание мировым сообществом де-факто ядерного статуса Индии; позитивные изменения в отношениях «крупнейшей демократии в мире» с такими «гравитационными полями» мировой политики, как США и Япония.

Очевидно, трезвый учет новых внешнеполитических возможностей Индии побудил правительство Манмохана Сингха (2004–2014) перенести логическое ударение на факторы сотрудничества между «Слоном» и «Драконом». Сам премьер неоднократно указывал: для двух крупнейших государств мира достаточно экономического и политического пространства, чтобы реализовать свои национальные стратегии развития на основе «здоровой конкуренции», а не истощающего силы соперничества. Разумеется, разделительные линии между «здоровой конку-

ренцией» и соперничеством гибки и подвижны, особенно для Индии, которая по сравнению с другими ведущими странами мира соседствует с государствами, создающими – по разным причинам – проблемы для безопасности страны. Помимо Пакистана это Бангладеш, правительство которой пока не может подчинить своему контролю всю территорию страны; индийская печать время от времени сообщает о «зонах рекреации» для международных террористов, воюющих на Ближнем Востоке, а также в Афганистане.

Особую озабоченность в Дели вызывает поведение «непознаваемого» Китая. Недавнее «противостояние в Гималаях» напомнило о давнишнем территориальном «диспуте» двух азиатских гигантов вокруг северо-восточного индийского штата Аруначал-Прадеш, который в Пекине по-прежнему именуют «Восточным Тибетом». (Строго говоря, для китайцев-южан «Восточный Тибет» расположен еще «восточнее», т.е. на западе провинции Сычуань.) Индийские военные эксперты обеспокоены форсированным экономическим развитием Тибета; некоторые из них называют политику центральных властей Китая «стратегией двойного назначения». «Учитывая сохраняющиеся между Индией и Китаем серьезные территориальные проблемы, – полагает, например, Ранджит Гупта из Института оборонных исследований в Дели, – развитие ультрасовременной железнодорожной, шоссейной и гражданско-авиационной инфраструктуры на исключительно сложной для строительства местности в малозаселенном Тибете, а равно и сознательная политика центральных властей [Китая] по ускоренному увеличению здесь доли ханьского населения, дополненная значительным наращиванием на территории провинции (т.е. Тибета. – А.В.) военных активов конвенционального и стратегического назначения, – все эти обстоятельства не могут не быть источником серьезного беспокойства. [Наша] тревога усиливается

еще и потому, что Китай уже соткал паутину прочных экономических, военных и политических отношений с соседями Индии, особенно с Бангладеш, Мьянмой и Пакистаном (Muni, 2008, p. 315).

Действительно, Бангладеш использует «инструменты» экономических (а также военно-технических) связей с Пекином для укрепления своих геополитических позиций в Южной Азии. К слову сказать, аналогичным образом действуют и другие государства региона. Возможен, однако, и иной взгляд на «экспансию» Поднебесной в регионе Южной Азии. К слову сказать, аналогичным образом действуют и другие государства региона. «Скептики» в Дели полагают: страхи относительно политики Китая в отношении «малых» стран Южной Азии проистекают от всевозрастающей зависимости внешнеполитического истеблишмента Индии от Америки, которая активно навязывает местной элите свое видение мировой ситуации, как и свои страхи и комплексы в отношении Поднебесной.

Фактор Мьянмы во внешних связях Индии

Мир регионализации для Индии пролегает через Юго-Восточную Азию, а начинается он с западного «форпоста» Юго-Восточной Азии Мьянмы/Бирмы. На наш взгляд, важность этой страны в системе геополитических приоритетов «крупнейшей демократии мира» предопределена несколькими обстоятельствами. Во-первых, Индия зависит от Мьянмы (как и от других соседних государств) в плане обеспечения «физической» безопасности, политической стабильности, экономического развития и повышения уровня жизни в «отъединенных» от «материковой» части штатах индийского северо-востока (связь осуществляется через узкий «коридор» Силигури шириной не более 30 км), стратегически важных, но глубоко проблемных как для внутренней, так и для

внешней политики страны. Во-вторых, отношения с Мьянмой исключительно значимы для Дели для поддержания устойчивого стратегического равновесия как в Бенгальском заливе, так и во всей восточной акватории Индийского океана. В-третьих, Мьянма является естественным географическим мостом между Индией и экономической группировкой АСЕАН, остающейся заглавной несущей платформой «восточной политики» Дели. Наконец, в-четвертых, в свете естественного стремления Индии максимально диверсифицировать источники энергетической безопасности страны Мьянма постепенно превращается в существенный (в т.ч. по причине географического соседства) для Индии источник жизненно необходимых (при сохранении «Слоном» высоких показателей экономического роста) углеводородов – газа и нефти.

Прописная истина: изменить географию невозможно. Говоря конкретно, восемь северо-восточных штатов Индии своеобразно отделены от «большой земли» Бутаном, Бангладеш, Тибетским автономным районом КНР и Мьянмой (о надежности «цыплячьей шеи», соединяющей две части единого политического «тела», уже говорилось). В этой весьма сложной территориальной конфигурации центральное место для внутренней и внешней политики Индии занимают Бангладеш и Мьянма, что зафиксировано в ее внешнеполитической стратегии.

Экономическое развитие восьми северо-восточных штатов, их внутриполитическая стабильность и «физическая» безопасность напрямую зависят от постоянной и плотной связи с «материковой» Индией, которая препятствует ощущению среди жителей Северо-Востока «оторванности» от остальной страны (Кузнецов, Малышева, 2017, с. 27–30). Поэтому не выглядит преувеличением прозвучавшее несколько лет назад из уст министра центрального правительства по вопросам развития Северо-Востока М.Ш. Айяра: «...для нас (т.е. индийцев – А.В.) Юго-

Восточная Азия начинается в северо-восточной Индии». Слова политика не лишены и серьезной исторической подоплеки: ведь Вторая мировая война и раздел Индии в 1947 г., по сути дела, разорвали традиционные культурные, этнические и экономические связи между Индией и Юго-Восточной Азией, которые Дели пытается реанимировать с помощью «восточной политики».

Одной из центральных задач «восточной политики» остается полное прекращение «повстанческой» деятельности в штатах Северо-Востока: «инсургенты», как отмечают военные эксперты, осуществляют свои операции с территории Бангладеш, положение на отдельных участках которой центральная власть фактически не контролирует. В этих сложных условиях значение отношений с Мьянмой для Индии определяется способностью властей этой страны полностью перекрыть каналы снабжения оружием «повстанцев», действующих с территории Бангладеш – как по суше, так и по морю. Помимо «антиповстанческой» проблематики отношения с Мьянмой стратегически важны для Индии при обеспечении безопасности и жизнедеятельности Андаманских и Никобарских островов, находящихся в восточной части акватории Бенгальского залива. Наконец, «восточная политика» Дели рассматривает Мьянму как «ворота» в Таиланд и Лаос и вообще как наиболее короткий путь в Юго-Восточную Азию.

Мьянма, как известно, это страна сохраняющейся внутриполитической «турбулентности», которая проистекает не только из группы факторов эндогенного происхождения (необходимость форсированного выхода страны из состояния длительной самоизоляции, наличие «неспокойных» этнических меньшинств, безальтернативность модернизации политических институтов и практик и т.д.), но и нередко подпитывается извне. В отношении к внутренней социально-экономической и политической проблематике Мьянмы у Индии имеется значительное совпадение

долгосрочных интересов с государствами – членами АСЕАН. Совпадение интересов воплощается в следующих стратегических установках. Первое: уменьшение зависимости Мьянмы от Китая, которая, как полагают в некоторых столицах стран – участниц АСЕАН, начинает приобретать «необратимый» характер. Второе: принцип невмешательства во внутренние дела других стран остается «священным и неприкосновенным» началом межгосударственных отношений в Юго-Восточной Азии. Третье: осторожная и взвешенная общая линия поведения стран АСЕАН в отношении Мьянмы не прямо, но ощутимо связана с пониманием чрезвычайно выгодного географического положения последней (своеобразный «мост» между Южной и Юго-Восточной Азией), а также наличием у этой страны значительных природных ресурсов, включая углеводородное сырье. Четвертое: Индию и страны Юго-Восточной Азии объединяет поддержка необходимых политических реформ в Мьянме, осуществляемых по эволюционной траектории (на данном направлении внутреннего развития индийский опыт политической модернизации оказывается востребованным вдвойне).

Демократизация общественной жизни в Мьянме теоретически создает благоприятные предпосылки для интенсификации двусторонних внешнеэкономических связей, включая совместную модернизацию транспортной инфраструктуры и увеличение инвестиционных потоков из Индии. (Состояние инфраструктуры видится некоторым экспертам препятствием для углубления двусторонних торгово-экономических связей (Malhotra, Singh Gill, 2015, p. 127).) Для полноценной интеграции индийского северо-восточного «аппендикса» в процессы азиатской интеграции потребуется политическая воля, поскольку водные пути в Бенгальском заливе с незапамятных времен были экономичнее и безопаснее сухопутных. Развитие автомобильных и железнодорожных ма-

гистралей – из северо-восточных штатов в Юго-Восточную Азию через Мьянму потребует значительных инвестиций, на выделение которых Индия пока не готова. «Экономический коридор» Индия – Мьянма потребует массивного привлечения прямых иностранных инвестиций. Задача по привлечению инвесторов из стран Юго-Восточной Азии, таким образом, становится центральным элементом «восточной политики» Индии.

Целесообразно отметить, что товарооборот между Индией и Мьянмой в последние годы устойчиво растет, причем последняя имеет довольно значительный положительный баланс (Malhotra, Singh Gill, 2015, p. 231). По признанию обеих сторон, потенциал внешнеэкономических связей Индии и Мьянмы значителен. Центральное правительство в Дели сознает, что в структуре внешнеэкономических отношений должна поступательно увеличиваться доля штатов индийского Северо-Востока. По сути дела, двусторонние отношения призваны решать двустороннюю стратегическую задачу: 1) «подтянуть» Северо-Восток до уровня развитых штатов Индии и 2) выступить эффективным «мостом» интеграции народного хозяйства Индии в систему разделения труда, складывающегося в Юго-Восточной Азии. Среди конкретных экспертных предложений по уплотнению внешнеэкономических связей Индии и Бирмы принято выделять: создание (на основе северо-восточных штатов) зоны свободной торговли двух стран; прокладку новых маршрутов движения грузов по территории штатов Аруначал-Прадеш и Нагаленд с целью снижения транспортных издержек; создание совместных предприятий с целью повышения «проницаемости» рынков двух стран; усиление институциональной поддержки двусторонних экономических отношений в виде развития банковской системы специально для обслуживания торгово-экономических связей двух стран.

Стратегия Индии в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке

Мьянма справедливо рассматривается как кратчайший путь в АСЕАН, как своеобразный каркас «восточной политики» Индии. Однако интеграция – это «магистраль» с двусторонним движением. Поэтому целесообразно коснуться такой проблемы, как реакция государств Юго-Восточной Азии и (отчасти) Дальнего Востока на новые, «ориентальные» мотивы внешнеполитической деятельности Индии, оценить ее эффективность и по возможности очертить контуры стратегии официального Дели на данном направлении.

Выступая на исходе 2014 г. на 12-м саммите Индия – АСЕАН, премьер-министр Нарендра Модии привлек внимание участников заявлением о начале «новой эры» экономического развития, индустриализации и внешних связей в его стране. Политика «смотри на восток» (“look East”) официально превращалась в стратегию «действуй на Востоке» (“act East”). Если первая фаза была сфокусирована на отношениях со странами АСЕАН, то для второго этапа действий была заготовлена новая, расширительная для Индии дефиниция «Востока», который теперь включал Японию, Южную Корею и даже Австралию.

Со своей стороны государства АТР рассматривали Индию как силу, способную стабилизировать политическую обстановку в регионе, как неявную «антитезу» Китаю и его растущему влиянию в Азии. Ожидания политических элит государств АТР становились все более многоплановыми по мере активации деятельности Поднебесной в бассейнах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Интерес к «балансирующей» роли Индии в регионе стимулировало и растущее соперничество Китая и США на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Говоря обобщенно, Индия рассматривалась как необходимый элемент усложне-

ния «уравнения» геополитических сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Элиты государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии видели в Индии силу, способную действенно противостоять практике, «подрывающей нормативные и стратегические основы регионального миропорядка в Азии».

Лидеры государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, приветствуя стремление Индии к усложнению «уравнения» геополитических сил в регионе АТР, в то же время обращали внимание официального Дели на главное условие «активистской» деятельности на известном удалении от «родных» берегов. Внешнеполитическая активность, напоминали в столицах стран АСЕАН и Дальнего Востока, непосредственно вытекает из экономической мощи государства, опирающейся на энергичный рост и поступательную диверсификацию народнохозяйственного комплекса. При этом речь, очевидно, шла не столько о нетто-показателях экономического роста, сколько о подведении прочной социальной основы под «вестминстерскую» систему политических институтов.

Видимо, имелась в виду «стратегическая автономия» Индии в принятии как краткосрочных, так и средне- и долгосрочных решений, а именно: способность вступать в альянсы на основе общности интересов (пусть временных); умение защищать принципы свободного доступа к рынкам и обеспечивать условия для не ограниченной политическими императивами торговли между странами; способность сохранять доминирующие позиции в Индийском океане и защищать свои «жизненные» интересы в Южной Азии.

В 1993 и 1995 гг. состоялись визиты правительственных делегаций Индии во главе с премьер-министром П.В. Нарасимха Рао в Индонезию, Сингапур, Малайзию, Таиланд, Вьетнам и Южную Корею. С индийской стороны всячески подчеркивалась готовность Дели либерализовать режим доступа иностранных инвестиций в

индийскую экономику. В индийском правящем классе полагали: высокие показатели экономического роста и поступательное расширение «пространства» среднего класса (иными словами, увеличение емкости внутреннего рынка) станут стимулирующим фактором притока прямых иностранных инвестиций в экономику Индии. Инвестиции из стран АТР рассматривались как инструментальный решения извечной для Индии проблемы инфраструктуры, создающей помехи экономическому и социальному развитию. Официальный Дели, действуя таким образом, пытался противопоставить Индию Китаю как основному «гравитационному полю» мировой торговли. Подобные намерения молчаливо приветствовались в странах – участницах АСЕАН.

Экономические результаты «восточной политики» Индии оказались противоречивыми. С одной стороны, объем торговли Индии со странами АСЕАН возрос с почти 3 млрд долл. в 1993 г. до 70 млрд долл. в 2016 г. С другой стороны, товарооборот Китай – АСЕАН достиг почти 370 млрд долл. Индии в сложившихся условиях остается уповать на форсированное расширение объема товарами и услугами в рамках зоны свободной торговли Индия – АСЕАН. Однако «прорывам» на данном направлении внешнеэкономических связей пока препятствует состояние транспортной инфраструктуры, связывающей два крупных субъекта экономической деятельности. Речь идет, в частности, о таких перспективных проектах, как «экономический коридор «Меконг – Индия», шоссейная магистраль Индия – Мьянма – Таиланд и т.д.

Первоначально в Дели значительные надежды возлагали на внешнеэкономические связи с Японией и Южной Кореей. Обе эти страны стали основными иностранными инвесторами таких крупных

проектов, как, например, метрополитен в Дели. Подписано соглашение с Японией о строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали в штате Гуджарат («малая родина» премьера Н. Модии). Далее, Япония участвует в прокладке нескольких «экономических коридоров» в Индии. Однако объем индийско-японских внешнеэкономических связей, несмотря на подписанное в 2011 г. соглашение о свободной торговле, растет медленно, никак не пересекая заветную черту в 20 млрд долл. (экспорт из Японии составляет 2/3 общего товарооборота).

Вместе с тем японо-индийские внешнеэкономические связи имеют незримый геополитический компонент. Так, Дели удалось получить значительный «грант» под низкие проценты по официальной программе Японии Overseas Development Aid на развитие энергетики, телекоммуникаций и транспорта. С учетом содействия в создании «промышленных коридоров» Дели – Мумбаи и Ченнаи – Бенгалуру (Бангалор) Индия превращается в крупнейшего реципиента японской программы «Помощи развитию» (Varma, 2009, p. 244). К 2020 г. Япония планирует довести объем своих прямых инвестиций в экономику Индии до 35 млрд долларов. Линия на уплотнение инвестиционных контактов между двумя странами, как полагают эксперты-международники, связана со стремлением премьер-министра Японии Синдзо Абэ использовать Индию в качестве стабилизирующей силы в зоне «южных морей», а также расширить географию внешнеэкономических действий японских компаний за счет освоения потенциально емкого внутреннего рынка «страны-гиганта»². Курс на углубление многопрофильного японо-индийского сотрудничества опирается – не в последнюю очередь – на «синергетический эффект» личных взаимоотношений руково-

2 См. Thakur R. The enduring basis of strong India-Japan relations. *The Japan Times*. 18.10.2017; Maini T.S., Sachdeva S. Japan is building India's infrastructure. *The Diplomat*. 02.08.2017

дителей двух стран – С. Абэ и Н. Модии; последний, в свою очередь, всячески пропагандирует свою страну как источник сравнительно недорогой и хорошо подготовленной рабочей силы, и в подобной линии, несомненно, присутствует тема «третьей силы» – «непознаваемого» Китая.

В 2010-е гг. ведущие японские корпорации продолжали «победоносный марш» на индийский внутренний рынок: с января 2008-го по октябрь 2013 г. число японских компаний, оперирующих на индийском рынке, возросло с 438 до 1072 (Kojima, 2014, p. 9). Помимо таких известных фирм, как Suzuki, Nissan, Toyota и Honda, а также Sony и Panasonic (которые давно знакомы с запросами индийского среднего класса), в Индию активно внедряются фармацевтические компании, производители продовольственной продукции, косметики, медицинских товаров и т.д. Правда, сдерживающим началом для развития внешнеэкономических связей остается значительный дефицит Индии в двусторонней торговле.

По аналогичной траектории развиваются и связи Индии с Южной Кореей. Крупные корейские финансово-промышленные группы (ФПГ), т.е. чеболи, «вдохновляют» рост емкости внутреннего рынка Индии (как следствие расширения социально-экономического пространства бытования среднего класса) и относительная дешевизна квалифицированной рабочей силы. Так же как и в случае с Японией, велико положительное сальдо Южной Кореи в торговле с Индией (более 2,5 к 1), и тенденция к изменению столь тягостного положения пока не просматривается.

Несмотря на сохраняющиеся дисбалансы во внешнеэкономических связях Индии со странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, политика Индии на данном направлении достигла определенных положительных результатов. Индия активно осваивает относительно новые для себя внешние рынки. Иными словами, «восточная политика» подтолкнула процессы интеграции с участием Индии в

Азиатско-Тихоокеанском регионе. В то же время значительный внешнеторговый дефицит косвенно указывает на то, что Индии пока не удалось эффективно интегрироваться в производственные «цепочки», существующие в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

Вместе с тем стоит заметить: интеграционные тенденции находятся в неразрывной связи с геополитическими императивами, влияние которых резко возросло в свете событий и процессов недавнего прошлого, главными среди которых, несомненно, стали: 1) зримая активизация политики Поднебесной на обширном пространстве Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (а в последние несколько лет – и в акватории Индийского океана); 2) становящаяся все более явной для союзников неспособность Соединенных Штатов «регулировать» систему международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как в былые годы. Отражением последнего тренда стали публикации авторов с солидной академической репутацией о неизбежности смены парадигмы мирового развития с *Rax Americana* на *Rax Sinica* (Jacques, 2009). Можно предположить: в сложившихся в настоящее время условиях Индия (а равным образом и Россия) начинает рассматриваться как необходимый элемент «нового баланса сил» в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С наибольшей отчетливостью осознание нового характера международных отношений в регионе АТР проявляется в установках и поведении правящих кругов Японии. Официальный Токио последовательно проводит линию, в основе которой единство трех главных геополитических элементов: 1) приоритет международного права в межгосударственных отношениях; 2) восприятие регионов Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Южной Азии как единого геополитического пространства, регулируемого двусторонними и межгосударственными договорами и соглашениями, которые имеют общеобязательный характер; 3) обеспечение режима

свободного мореходства в «коридоре» Индийский океан – Южно-Китайское море – Восточно-Китайское море – Тихий океан. В Токио, в частности, полагают: разрешение «территориальных диспутов» в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях возможно лишь с участием всех заинтересованных государств, что будет способствовать повышению геополитического статуса больших и малых стран, включая, возможно, и внерегиональных «игроков». В этой гибкой, пластичной, постоянно меняющейся конфигурации «свободной геометрии» международных отношений³ Индии отводится важная «балансирующая» роль, тогда как правящие круги в Дели рассчитывают на взаимность, прежде всего в сфере прямых иностранных инвестиций и внешнеэкономических связей. Сегодня в Дели Азиатско-Тихоокеанский регион сознательно «расширяется» в западном направлении, по меньшей мере до бассейна Индийского океана, а место традиционного для АТР определения Asia-Pacific заступила не совсем привычная дефиниция Indo-Pacific, акцентирующая важную роль Индии на данном пространстве.

Тем не менее Индии интегрироваться в экономическое пространство АТР будет непросто. Помимо уже отмеченных трудностей политэкономической адаптации существует группа факторов геополитического происхождения, которые на обозримую перспективу будут тормозить создание единого «индо-тихоокеанского» пространства. С одной стороны, элиты стран АСЕАН и Дальнего Востока опасаются всевозрастающей активности Поднебесной в АТР. С другой стороны, для большинства стран региона Китай является крупнейшим торговым партнером и зарубежным инвестором. (Возможно, Пекин искусно регулирует структуру внешнеторговых ба-

лансов со странами Юго-Восточной Азии, тем самым побуждая правящие круги последних чутко реагировать на внешнеполитические инициативы «великого северного соседа» в регионе.) Помимо этого в странах Юго-Восточной Азии проживают экономически преуспевающие китайские общины (хуацяо), которые оказывают сильное влияние и на характер эндогенных политэкономических процессов, и на динамику внешнеэкономических связей указанных государств. Отношения этих групп с материковым Китаем многообразны. Влияние Пекина на их политическое поведение трудно проследить, но оно несомненно. Можно предположить, что хуацяо (как важная «группа интересов» практически в каждой стране АСЕАН) являются эффективным инструментом политики Китая в отношении Индии в данном регионе. Хорошо известно, что китайское руководство выступает, в частности, за развитие модели сотрудничества по формуле «АСЕАН + 3» (т.е. Поднебесная, Япония, Южная Корея), стремясь всячески ограничить участие Индии (а также США) в форматах межгосударственного взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В свою очередь Индия стремится усилить свое экономическое присутствие в зоне «южных морей» за счет «молчаливого» участия в двусторонних и многосторонних территориальных диспутах (берущих начало в далеком прошлом) с участием Китая, с одной стороны, и таких стран, как Вьетнам, Малайзия, Филиппины и т.д. – с другой. Военные эксперты полагают, что невидимой подосновой такого рода споров стало относительное ослабление Соединенных Штатов, и, в частности, их военно-морской мощи. Практическая сторона подобных противоречий – это стремление таких стран, как Япония и

3 «Свободная геометрия международных отношений» – концепт, предполагающий отказ от идеологической борьбы в мировой политике и ставящий ударение на общности интересов различных государств, которые в прошлом могли быть и идейными противниками. Ситуационное взаимодействие, таким образом, придает всей системе международных отношений подвижный, гибкий и «эластичный» характер. Понятно, что институционализация подобной модели будет означать «успокоение» и предсказуемость поведения всей мировой системы.

Южная Корея, обеспечить бесперебойное поступление углеводородов из зоны Персидского залива (более 80% объема импорта энергоносителей для Республики Корея). Заинтересованность Индии в свободном судоходстве по «южным морям», а также в Восточно-Китайском море predetermined тем обстоятельством, что более половины внешнеторгового оборота страны проходит через Малаккский пролив, в том числе растущие объемы поставок углеводородов с Сахалина и из других регионов России⁴. Не будет преувеличением утверждение, что активное военноморское строительство Индии встречает понимание в Токио, Сеуле, а также в столицах государств – членов АСЕАН.

Вместе с тем в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока с сожалением констатируют: для эффективного проникновения в Юго-Восточную Азию и на Дальний Восток необходима дееспособная политэкономическая подоснова, а именно потенциала совместной хозяйственной деятельности у Индии в АТР пока не хватает. Помимо этого среди элит стран АСЕАН растет опасение возможных успехов экспортноориентированной стратегии Индии на востоке, поскольку проникновение индийских товаров на рынки Юго-Восточной Азии может вызвать обострение конкуренции и нежелательные для «крупнейшей демократии мира» политические последствия. Важным долгосрочным ограничителем интеграционных трендов в регионе АТР может послужить внутривнутриполитическая парадигма самой Индии, сердцевинной которой должна стать реиндустриализация и развитие на новой научно-технологической основе промышленности и других базовых кластеров экономики страны. Тем более что «нынешний переходный период в эволюции мировой системы означает, среди прочего, безальтернативность пути вну-

тренных преобразований, выступающих фундаментом жизнеспособности наций. Общественные трансформации в различных социокультурных средах могут изменяться индивидуально, как то: «русская идея», «Америка превыше всего», «антиглобалистская повестка», «сохранение цивилизационной (национальной, этнокультурной) идентичности» и т.п. Но суть модернизации неизменна. В социально-экономическом плане это парадигма развития, т.е. кумулятивный процесс (курсив в цитируемом тексте мой. – А.В.), вбирающий в себя: 1) серьезный экономический рост...; 2) максимальную занятость трудоспособного населения – главную гарантию общественного спокойствия; 3) социально «справедливое»/политически «безопасное» распределение национального дохода» (Володин, Чудодеев, 2017, с. 19).

Индия и ближайшие соседи

Иными словами, применительно к Индии нынешняя мировая ситуация требует обратить пристальное внимание на проблемы и противоречия внутреннего развития страны, на ближайших соседей, на обеспечение для него максимально благоприятных внешнеполитических условий. Интеграционные процессы в Южной Азии протекают неравномерно, с боковыми и попятно-возвратными движениями (Кузнецов, Мальшева, 2017, с. 31–32). Соседние южноазиатские государства, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, не говоря уж о Пакистане, активно используют принципы «свободной геометрии международных отношений», и прежде всего индийско-китайские противоречия, для максимальной эффективной реализации собственных экономических и геополитических интересов.

В Дели признают: политика Индии в Южной Азии пока не привела к качествен-

4 По оценке бывшего посла Индии в России Аджая Мальхотры (октябрь 2015 г.), к 2020–2021 гг. его страна будет получать из России до 40% общего объема импорта нефти.

ным сдвигам в отношениях с государствами региона. Индийско-пакистанские отношения по-прежнему пронизаны недоверием и враждой, берущими свои истоки в 1947 г., т.е. со времени завоевания суверенитета. Двусторонние отношения осложняются принадлежностью обеих стран к «клубу» ядерных держав. Индийские правящие круги обеспокоены радикализацией политических сил в Пакистане. Попытки изолировать исламскую республику успеха не имели. Дипломаты и аналитики-эксперты в Дели вынуждены признать: быстрых «разгадок» индийско-пакистанской «головоломки» ожидать не приходится. От себя добавлю: географию еще никому не удавалось изменить. На помощь американцев в давлении на Пакистан рассчитывать сложно, поскольку правящие круги США осознают зависимость от Исламабада в урегулировании чрезвычайно сложной афганской проблемы. Китайско-пакистанское «всепогодное союзничество» также не позволяет Дели договариваться с Исламабадом на своих условиях.

Несколько лучше обстоят дела в отношениях Индии с другими странами Южной Азии. Так, подписанное в 1996 г. индийско-бенгальское соглашение о распределении водных ресурсов и договор 2016 г. о делимитации границы между двумя государствами определенно улучшили отношения между Дели и Даккой. Однако власти Бангладеш искусно «балансируют» отношения их страны с Индией развитием многопрофильного экономического и военно-технического сотрудничества с Китаем. В последнее время возникли проблемы и в индийско-непальских отношениях. И в этом случае Китай выступает как «третья сила», все более эффективная. Правящие круги Шри-Ланки, созная важное геостратегическое положение страны на морских путях, проходящих по акватории Индийского океана, довольно давно избрали внешнеполитический курс лавирования между двумя государствами-гигантами. Стоит также заметить, что внешняя политика Индии в

Южной Азии недостаточно подкреплена «инструментарием» политической экономики: товарооборот Индии с соседями составляет лишь 4,5% общего объема внешнеэкономических связей страны [12: 359].

Важное место в геоэкономической и геополитической стратегии Индии занимает регион Западной Азии, сердцевину которого составляют Саудовская Аравия и государства Персидского залива. Западноазиатское направление имеет как собственно экономическое, так и социальное/«человеческое» измерение. Так, примерно 60% импортируемой нефти Индия получает именно из этого региона. Далее, около 4,5 млн индийцев проживают и работают в странах Западно-Азиатского региона [12: 359]. Учитывая роль Западной Азии и Северной Африки в системе внешнеполитических приоритетов Индии, некоторые аналитики призывают правительство в Дели разработать долгосрочную линию поведения на данном пространстве – “Look West Policy”.

Индийская элита со времени «позднего» Советского Союза была озабочена проблемами тогдашних республик Средней Азии (ныне – независимые государства Центральной Азии). Основной интерес Дели к положению на этих территориях определялся стремлением сохранить секуляристский характер новообразованных государств и их политических институтов. В настоящее время неограниченный доступ в Центральную Азию, при существующих геополитических условиях, возможен только через международный транспортный коридор (МТК) «Север – Юг», основными участниками и эксплуатантами которого должны стать Россия, Индия и Иран. Видимо, ввод в действие МТК «Север – Юг» ускорит начало прокладки «пакистанского экономического коридора», который, как полагают в Дели, создает реальную угрозу геоэкономическим и геополитическим интересам Индии. Введение в действие МТК «Север – Юг», несомненно, увеличит интеграционный потенциал Индии на постсо-

ветском пространстве и углубит участие этой страны в процессах регионализации, центральным элементом которой станет транспортная революция в Евразии.

Список литературы

Володин А. (2010). «Рост плюс развитие», или Индийский опыт экономических реформ. *Мировая экономика и международные отношения*. (10).

Володин А.Г., Чудодеев А.Ю. (2017). Дональд Трамп: назад в будущее. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, 2 (12).

Кузнецов А.В., Малышева Д.Б. (ред.). (2017). *Внутренние дисбалансы крупных развивающихся государств и специфика их взаимодействия с сопредельными странами*. М.: ИМЭМО РАН.144.

Jacques M. (2009). *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London: Allen Lane. 778.

Kojima M. (2014). *The Evolution of Japan-India Economic Relations in the Rebalance Within Asia*. Washington: Wilson Center.74

Muni S.D. (2008). *IDSA Asian Strategic Review 2008*. New Delhi: IDSA. 378.

Malhotra R., Singh Gill S. (eds.). (2015). *India's North-East and Asiatic South-East: Beyond Borders*. Chandigarh: CRRID.302.

Varma L. (2009). Japan's Official Development Assistance to India: A Critical Ap-

praisal. *India Quarterly*, 65(3). 237–250. DOI: 10.1177/097492840906500302

References

Jacques M. (2009). *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London: Allen Lane. 778.

Kuznetsov A.V., Malysheva D.B. (eds.). (2017). *Internal imbalances of large developing states and specificity of their interaction with neighboring countries*. Moskva: IMEMO RAN.144.

Kojima M. (2014). *The Evolution of Japan-India Economic Relations in the Rebalance Within Asia*. Washington: Wilson Center. 74.

Muni S.D. (2008). *IDSA Asian Strategic Review 2008*. New Delhi: IDSA. 378.

Malhotra R., Singh Gill S. (eds.). (2015). *India's North-East and Asiatic South-East: Beyond Borders*. Chandigarh: CRRID.302.

Varma L. (2009). Japan's Official Development Assistance to India: A Critical Appraisal. *India Quarterly*, 65(3). 237–250. DOI: 10.1177/097492840906500302

Volodin A. (2010). "Growth plus Development", or Indian Experience of Economic Reforms. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (10). 91–98.

Volodin A.G., Chudodeev A.Yu. (2017). Donald Trump: Back to the Future. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, 2 (12).

Информация об авторе

Андрей Геннадьевич Володин, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23

About the Author

Andrei G. Volodin, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997